не имеем; о более поздних паломничествах не приходится говорить: сведения о них отрывочны и затеряны.

После смерти Вольтера (1778), на исходе XVIII века, незадолго до начала открытой кампании в России против «вольтерианцев», Ферней посетил и кратко запечатлел в своих «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин (см. записи под датой 2 октября 1789 г.). Он видел уже разоренное вольтеровское гнездо. Карамзин пришел в Ферней пешком ненадолго из Женевы вместе с случайным попутчиком («Кто, будучи в Женевской республике, не почтет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из писателей нашего века?»), быстро осмотрел «спальню Вольтерову», которая «служила ему и кабинетом, из которого он поучал, трогал и смешил Европу», побродил по аллеям парка, описал открывающийся отсюда пейзаж на «Белую Савойскую гору» (Монблан) и ушел, унося смутное впечатление от знаменитой усадьбы и чувствуя больше сердечной приязни к антагонисту фернейского мудреца — Ж.-Ж. Руссо.

Когда тот же Карамзин оказался в Веймаре и дважды повидался здесь с Виландом, русский путешественник показался здесь неожиданным и непривычным гостем. Виланд сказал Карамзину, указывая на бюст Вольтера, что некогда ему пришлось видеть Андрея Шувалова, «острого человека, напитанного духом этого старика», но что он не знал еще о русских любителях немецкой поэзии. С. Н. Дурылин счел эту встречу и беседу Карамзина с Виландом симптоматичной во всех отношениях: до тех пор, писал он, «русская культурная тропа в Европу была известна одна: в Ферней, к Вольтеру», но она становилась все глуше и ее постепенно начала заменять менее опасная и более открытая дорога: русские паломники теперь ездили в Веймар, на поклон к Гете.[12]

Между тем путешествия русских туристов в Ферней продолжались, и впечатления от этих поездок иногда появлялись и в русской печати. Так, например, в апреле 1809 г. в Фернее побывал адъютант Александра I и будущий военный историк А. И. Михайловский-Данилевский. Краткий его рассказ об этом посещении был опубликован в 1817 г. в «Русском вестнике» С. Н. Глинки. Показателем резко изменившихся отношений к Вольтеру в русских правительственных кругах за десятилетие может служить то, что этот нехитрый и не заключавший в себе каких-либо особо интересных данных рассказ подвергся в 1817 г. если не полному запрещению на страницах указанного журнала, то, во всяком случае, изъятию из него нескольких «соблазнительных» мест. Впоследствии сам Михайловский-Данилевский вспоминал об этих изъятиях, свидетельствовавших о «непомерной боязливости цензоров». Однажды к нему явился один из чиновников цензуры «и сказал,

---

[12] С. Н. Дурылин. Русские писатели у Гете в Веймаре. — Литературное наследство, № 4—6, 1932, стр. 98—99, 122.